

Отзыв

официального оппонента о диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук (специальность 12.00.08): Тепляшин П.В. Европейские пенитенциарные системы (теоретико-прикладное и сравнительно-правовое исследование). Красноярск: Сибирский ин-т МВД России, 2018. - 496 с. (с прилож.).

В результате глубочайшего системного кризиса конца 1980-х — начала 2000-х гг., течение которого не преодолено по сию пору, Россия в который раз оказалась на историческом перепутье: идти ли ей в сторону западноевропейской цивилизации во главе с ее квинтэссенцией Соединенными Штатами Америки или продолжить движение своим самобытным, евразийским путем? Этот вопрос стоит и перед научным сообществом, включая юридическое. Свое рельефное выражение он получил в сфере борьбы с преступностью и прежде всего пенитенциарной (тюремной) ее составляющей, которая, по понятным причинам (отнюдь не умозрительным), остро волнует миллионы и миллионы наших сограждан.

Не смотря на свой молодой еще возраст, соискатель уже давно заявил о своих научных притязаниях, опубликовав последовательно еще в 2005, 2006 и 2007 гг. три книги монографического уровня по избранной теме (см. 36 автореферата). Так что перед нами не скороспелое сочинение, подобно некоторым известным нам докторским диссертациям, а глубокое, всестороннее и взвешенное исследование обширных пластов западной пенитенциарии, как в ее научно-теоретической, так и практической плоскостях.

Соискатель без особого труда обеспечил должную и весьма высокую научную новизну результатов своего труда. Об этом свидетельствует впечатляющий перечень имен зарубежных тюрьмоведов (с. 8-9) и их сочинений (с. 433-446), которые были изучены диссертантом в первоисточниках и творчески переосмыслены.

О достоверности полученных научных результатов свидетельствует богатая и разнообразная эмпирическая база, включающая, помимо прочего, 62 отчета представителей Европейского комитета по предупреждению пыток

и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (2008 — 2018 гг.), 7 официальных отчетов Совета Европы по пенитенциарной статистике за 2008 — 2016 гг., 14 Национальных докладов Госдепартамента США по правам человека и многое другое (с. 14-15, 447-459). Достоверность усиливает непосредственное применение автором весьма сложных математических расчетов (с. 275-282), что весьма редко встречается в диссертациях гуманитарного профиля.

Научные достижения автора прекрасно апробированы на десятках научно-практических конференциях, включая 36 международных, проходивших не только в Сибири, но и в большинстве других научно-педагогических центрах страны — от Владивостока и Хабаровска до Санкт-Петербурга, Великого Новгорода и Калининграда (с. 25). Более скромным выглядит внедрение полученных результатов в учебный процесс (с. 26). Думается, что они заслуживают внимание всех без исключения юридических вузов страны, в также многих учебных и научных заведений ближнего и дальнего зарубежья, благо опубликованы таковые в различных сборниках и юридических журналах, включая рекомендованные ВАК Минобрнауки России (с. 34-36 автореферата).

Диссертация и ее реферат, дающий адекватное представление о ее содержании, написаны ясным литературным языком. Это впечатление, к сожалению, несколько смазывает известное число опечаток.

Говоря более конкретно о достоинствах настоящего труда, следует отметить следующее.

Убедительно аргументированы, а потому заслуживают поддержки большинство положений, непосредственно вынесенных на защиту, прежде всего под №№ 8, 12 и 16 (с. 19-23).

Следует согласиться с соискателем в том, что важнейшей тенденцией формирования отечественной уголовно-исполнительной системы является ее известная склонность «рефлектировать перед западными либерально-демократическими ценностями» (с. 27). За это он подвергает обоснованной

критике высказывание А.А. Малиновского, отрицающего самостоятельность российской уголовно-правовой науки (с. 29) и, наоборот, поддерживает позицию В.И. Лафитского, в соответствии с которой правоведение остается инструментом идеологической борьбы, в ходе которой идет «экспансия, интервенция чужеродного права» (с. 30). Этой принципиальной установки автор старается придерживаться на всем протяжении своей работы (с. 4, 34, 111-113, 359 и др.).

Важнейшим методологическим и практическим результатом предпринятого исследования является вывод, что отсутствуют универсальные свойства, присущие пенитенциарной системе каждого европейского государства. Поэтому создание «усредненной» модели неизбежно скроет «отдельные особенности, которые зачастую имеют решающее значение при обращении с осужденными», поскольку такая «обезличенная» конструкция «абстрагируется от конкретных культурно-исторических, криминологических и административно-управленческих тенденций» (с. 36).

Именно это обстоятельство подвигло соискателя к выявлению объективно существующих типов европейских пенитенциарных систем, о которых он приводит важнейшие сведения, сведенные в таблицу 1 (с. 121-122).

Далее в 4-й и последующих главах диссертации проводится лаконичный, но информационно емкий анализ каждого из выделенных типов (с. 124 и след.). Невозможно, да и нет в этом нужды, повторять в нашем отзыве параметры этих систем. Остановимся лишь на некоторых из них, представляющих интерес с позиций реконструкции российской системы наказаний.

Так, хорватский законодатель еще в законе 1991 года закрепил отказ от пожизненного заключения заменив его на лишение свободы сроком до 50 (!) лет (с. 152). К подобной уловке прибегает и действующий УК РФ, который наряду с собственно пожизненным лишением свободы определяет его отбывание в 25, 30 и даже 35 лет, добиваясь тем самым сравнительно узкого арела распространения в санкциях пожизненной изоляции в узком смысле этого слова.

Весьма неожиданны сведения о чрезвычайно высоком уровне самоубийств в Люксембурге — 30,3 на 10 тыс. осужденных (с. 187), а также Швейцарии и Швеции (с.287-288). Гораздо более ожидаем, но от этого не менее важен показатель удельного веса иностранцев в тюрьмах ряда высокоразвитых государств — от 26,8% в Дании до 44,2% в Бельгии и 72,2 % в том же Люксембурге (выше только в Швейцарии и крошечных Андорре и Монако) — с. 121 и др. Вот здесь и находится объяснение нежеланию жить в достаточно комфортных люксембургских и им подобных тюрьмах, где, правда, констатируется наличие жалоб осужденных на старую и обветшалую мебель в отдельных камерах тюрьмы Greiborn и недостаточно хорошее отопление в холодное время года (с. 187). Дело в болезненном контрасте между режимом даже щадящей изоляции и той мало чем ограниченной свободой и безбедным существованием так называемых «беженцев» в ряде стран Западной Европы. Это имеет немаловажное значение для России, где пытаются создать сугубо комфортные условия содержания опасных преступников, попутно, «забывая» о страданиях десятков миллионов ввергнутых в нищету законопослушных граждан.

Привлекает внимание наличие в Португалии специальных тюрем для несовершеннолетних в возрасте от 12 до 16 лет (с. 191), особенно на фоне отмены в этой стране пожизненного лишения свободы, еще раньше чем в Хорватии — в 1989 г. (с. 193). Тюрьмы для малолетних (Les établissements penitentiaires pour mineurs), на этот раз в возрасте от 13 лет обнаруживаются и во Франции (с. 247). В России же легко получить ярлык сталиниста за одно лишь *предложение* понизить возраст уголовной ответственности хотя бы на 1 год за совершение исключительных по своей опасности и жестокости злодеяний.

Апофеозом «гуманизма» по отношению к массовым убийцам и террористам выступает, конечно, суэта норвежских тюремщиков вокруг печально известного А. Брейвика, которому обеспечили возможность не только безбедного существования (что общеизвестно), но и создать в узилище Норвежскую

фашистскую (!) партию и Норвежскую лигу (с. 218). По счастью, наш законодатель (во всяком случае пока) не стал перенимать эту гибельную (во всех смыслах этого слова) модель обращения с террористами, а, напротив, недавно принятым Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 569-ФЗ существенно ужесточил наказание лицам, признанным виновными в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 205¹, 205 и 205³ и рядом им подобных за счет обязательного отбывания части наказания в тюрьме. Остается лишь надеяться, что во Владимирской, Вологодской и других немногочисленных российских тюрьмах режим отбывания наказания никогда не станет подобным норвежскому.

Подобная, и далеко не безобидная, пенитенциарная экзотика выявлена автором и в других европейских пенитенциарных системах.

Так, «исследователи состояния здоровья в албанских тюрьмах приходят к выводу о том, что в целях повышения эффективности исправительного воздействия на осужденных, относящихся к «уязвимой подгруппе населения», им необходимо предоставлять более качественные медицинские услуги в сфере лечения алкоголизма, наркомании и сопряженных латентных заболеваний», учитывать их сексуальную ориентацию и гендерную идентичность (с. 156).

В Венгрии «проводятся исследования отрицательных последствий использования осужденными вазелиновой самоинъекции для увеличения размера мужских половых органов» (с. 156).

В Нидерландах «активно используются перспективы [...] применения программ поиска смысла жизни (! - С.М.) среди заключенных (с. 184).

Во Франции «разъясняется роль презервативов в профилактике ВИЧ - инфекции. Поскольку в тюрьмах половые контакты происходят даже в случае их запрещения, заключенные должны иметь презервативы на протяжении всего срока пребывания в местах лишения свободы» (с. 252-253).

В Никосийской же тюрьме на Кипре «осужденные могут получить театральное или музыкальное образование, постановки с их участием широко

практикуются за пределами исправительного учреждения» (с. 256).

Все это и многое другое можно было бы принять за своего рода фантазмагорический карнавал, если бы за ширмой торжества «политики «zero tolerance», то есть возведения многих форм девиантного и маргинального поведения [...] в ранг законопослушного» (с. 311) не скрывались отнюдь не спиленные клыки карательной системы европейских государств.

Скажем, в центральных тюрьмах той же Франции за осужденными, находящимися в одиночном заключении в течении целого года (!) ведется перманентное наблюдение. В результате он может быть зачислен в категорию «неисправимых» (с. 249), что, вероятно, сродни признанию особо опасным рецидивистом в соответствии со статьей 24¹ УК РСФСР 1960 г. Осталось не ясно, каким образом снимается (и снимается ли вообще) стигма «неисправимого» (признание особо опасным рецидивистом отменялось при снятии судимости судом).

От себя добавим ситуацию с Джулианом Ассанджем, который 11 апреля 2019 г. был насильно экстрадирован из посольства Эквадора в Лондоне, где он провел почти 7 лет в условиях пускай и щадящего, но тюремного режима при остром недостатке солнечного света и свежего воздуха. Официальные СМИ недавно объявили, что при выдаче США ему грозит не более 5 лет лишения свободы, хотя до этого утверждалось, что заключение может составить до 35 лет при возможности назначения смертной казни. На вероятность последней указывает тот факт, что Ассандж был помещен в одну из самых суровых тюрем Англии Белмарш, куда отправляют серийных убийц, насильников, педофилов и террористов.

Показательна в этом плане и судьба ряда сербских политиков и военачальников. Назовем хотя бы Слободана Милошевича, который, как считается, был замучен в гаагской тюрьме Схевенинген в марте 2006 г. без оказания квалифицированной медпомощи (вспомним заботу пенитенциариев Албании) и вынесения приговора.

Если Милошевич провел в предварительном заключении без малого 5

лет, то другой сербский политик Воислав Шешель находился в камере предварительного заключения более 11 (!) лет, что по мнению судьбы Международного трибунала по бывшей Югославии Жан Клода Антонетту, является мировым рекордом для развитых стран. 31 марта 2016 г. Шешель был полностью оправдан МТБЮ, хотя через два года оправдательный приговор был отменен с вынесением наказания в виде 10 лет лишения свободы.

Не менее драматична судьба боснийского серба Радована Караджича, который на протяжении 12 лет скрывался от преследования МТБЮ, но в июле 2008 г. был арестован в белградском автобусе и через несколько дней был помещен в ту же тюрьму в Схевенингене. 24 марта 2016 г. Караджич был приговорен к 40 годам тюрьмы. Через год Апелляционная палата Международного остаточного механизма (МОМУТ) приговорила Караджича уже к пожизненному заключению.

Возникает вопрос, к какому виду европейской пенитенциарной системы относится лишение свободы в рамках «гаагского» правосудия? Увы постановки, а, тем более, ответа на этот вопрос в данной диссертации мы не находим. Между тем для России он отнюдь не умозритель: раздаются угрозы подвергнуть процедуре гаагского и тому подобного «правосудия» ряд российских политиков самого высокого ранга. Конкретным «звонком» в этом отношении можно считать осуждение 27 марта 2019 г. 94-летнего Маршала Советского Союза Д.Т. Язова по приговору Вильнюсского окружного суда к 10 годам лишения свободы. В ответ Следственный комитет РФ возбудил уголовное дело в отношении четверых литовских судей за вынесение заведомо неправосудного приговора.

Наконец, следует поддержать соискателя в его мнении о том, что «реализации конкретных европейских стандартов и правил, а также конкретных моделей обращения с осужденными в уголовно-исполнительном законодательстве России» должна «предшествовать научная и социально-экономическая экспертизы, а также по возможности их общественное обсуждение» (с. 355).

Перечень достоинств диссертации можно было бы продолжить, но это наверняка будет сделано в отзывах иных оппонентов (прежде всего официальных) и рецензентов.

Выскажем теперь некоторые критические замечания (помимо сформулированного выше суждения о т. н. «гаагской» системе назначения, исполнения и отбывания наказания).

1. Анализируемый текст, как и иные сочинения на данную тему, буквально испещрен словосочетанием «права человека» и производными от него терминами (с. 4, 85, 96, 108, 111, 128, 153, 273, 331-332 и мн. др.). При этом под человеком и его правами понимаются исключительно статус весьма опасных преступников — убийц, грабителей, насильников, бандитов, террористов, казнокрадов и т. п. Впрочем, автор предпочитает без особой нужды не прибегать к слову «преступник», предпочитая именовать правонарушителей более «технологическими» терминами — «осужденный», «заклученный», «лишенный свободы» и т. п. Тем самым за кадром научного, да и нормативно-правового внимания остаются десятки, сотни тысяч искалеченных, обворованных, изнасилованных, оскорбленных и униженных людей. Их печальный удел — состязаться в ходе следствия и судебного рассмотрения с теми, кто уже поправил их права и законные интересы. На стороне же подсудимых зачастую выступают опытные юристы, искушенные в юридическом крючкотворстве и целый сонм ангажированных «правозащитников», которые зачастую оперируют такими «неопровержимыми» аргументами — «режиссер (бизнесмен, менеджер, либеральный губернатор или министр спортсмен, ученый) не может по определению воровать (насиловать, давать и получать взятки, а тем более изменять Родине)»).

Такое гипертрофированное сострадание (если не любовь) к преступившим закон (как юридический, так и нравственный) могло бы вызвать лишь удивление, если бы за ним не угадывался точный политический и экономический расчет: под флагом гуманизма, нулевой толерантности, соблюдения прав человека выбросить сотни тысяч изобличенных в преступлениях в

среду законопослушных граждан, отгородившись (в прямом и переносном смысле этого слова) от воров, грабителей, хулиганов в элитных кварталах под охраной полиции, жандармерии, новейших систем контроля и многочисленных частных охранников.

Убедительные подтверждения высказанным суждениям мы находим в самой диссертации, скажем, на странице 312, когда автор указывает на развитие «концепции «переселения» осужденных из тюрьмы в общество, то есть исправление преступников, в том числе совершивших преступления высокой общественной опасности, вне изоляции от общества».

По этому же пути широко шагают и российская уголовно-правовая и уголовно-исполнительная системы. Неуклонно сокращается число выявляемых преступлений, выносятся все меньше приговоров к реальному лишению свободы, ликвидируются исправительные колонии под предлогом сокращения контингента.

Есть ли пути исправления этого вопиющего перекоса в сторону соблюдения прав уголовных элементов? Думается, что есть, причем часть из них указана (хотя и не явно), на страницах данного труда. Например, в Англии и Уэльсе уже несколько десятилетий функционируют ревизионно-контролирующие комиссии (Board of Visitors), которые выполняют «две основные функции: 1) инспектирование и контроль условий содержания заключенных и 2) рассмотрение их жалоб» (с. 129). Что мешает наделить эти комиссии правом выявления незаконных преференций некоторым осужденным, в том числе за счет их коррупционных связей с администрацией? Но для этого придется включить в их состав представителей потерпевших, общественных формирований по борьбе с преступностью, и ученых-виктимологов.

Мы не знаем, подойдут ли предлагаемые новации власти Англии и Уэльса или, скажем, будет ли создана в Норвегии Ассоциация жертв преступлений на манер имеющей широкие права Норвежской ассоциации родственников заключенных (с. 219), но убеждены, что это необходимо сделать в нашей стране, где периодически выявляются факты сытой и даже роскошной

жизни опасных преступников, а также управления целыми колониями и изоляторами т. н. «смотрящими» с их карательными формированиями.

Для этого придется изменить название, а главное содержание упоминаемого в работе Федерального закона от 10 июня 2010 года № 76-ФЗ с введением возможности общественного контроля за деятельностью администрации ИУ и поведения самих осужденных в рамках режимных ограничений их противоправного поведения в процессе исполнения и отбывания наказания.

Мнение потерпевших, на наш взгляд, должно учитываться при переводе осужденных в учреждение с более мягким режимом, представлении их к условно-досрочному освобождению и помилованию и т. п.

В случае восприятия законодателем авторской рекомендации по созданию в России службы Уполномоченного по правам осужденных и лиц, содержащихся под стражей (с. 332) для балансировки интересов обвиняемых (подсудимых, осужденных) и потерпевших требуется создать службу Уполномоченного по правам жертв преступлений. Его надо наделить, в частности, полномочием участвовать в избрании меры пресечения подозреваемому и обвиняемому и наложение ареста на его имущество.

Пока же следует ожидать оздоровления обстановки в местах лишения свободы за счет неуклонного применения там положений недавно принятого Федерального закона от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в частности противодействия организованной преступности».

2. В первой части отзыва мы поддержали концептуально значительную идею диссертанта о выделении типов европейских пенитенциарных систем. Однако формирование некоторых из них вызывает серьезные сомнения.

Так, к восточно-европейскому типу были сразу пятнадцать (!) государств. И дело не только в том, что характеристики пенитенциарной политики в некоторых из них разительно отличаются (скажем уровень заключенных на 100 тыс. населения в Польше составил 203 чел., а в Словении и Сербии —

соответственно всего 74 и 75; удельный вес иностранцев среди лишенных свободы в Греции громаден — 63,2 %, а в Румынии и Словакии он ничтожен — соответственно 0,8 и 1,9 % и т. д. — см. с. 122 и др.).

Гораздо более важно то обстоятельство, что включенные в этот тип государства имеют в своей истории острые и затяжные конфликты между собой, глубокие этно-религиозные противоречия, которые хотя и несколько сглажены «катками» глобализации и мультикультурализма, но способны прорасти и уже прорастают все новыми антагонизмами. Достаточно назвать такие пары стран, как Албания и Косово с одной стороны и Сербия и Черногорией с другой.

Аналогичные сомнения вызывает как название другого типа («славянский»), так и отнесение к нему Молдавии (с. 122 и др.), правящие элиты которого тяготеют к Румынии, отрицая само существование молдавской нации. К тому же если использовать в качестве типобразующего образования национально-этническую принадлежность титульной нации, то к славянскому типу надо относить те же Сербию и Черногорию, а также Чехию со Словакией и Польшу. Ясно, однако, что подобные пертурбации не будут способствовать поиску научной истины и не продуктивны в прикладном отношении.

Выход видится в выборе более адекватного названия — «Русский» или «Евразийский» пенитенциарный тип, хотя небезуспешные попытки Западного блока отколоть Украину, да и Белоруссию от собственно России приводят к искусственному увеличению различий между пенитенциарными аппаратами некогда братских республик. Они уже видны по таким показателям, как уровень заключенных на 100 тыс. населения — если в России он равен 470 чел., в Беларуси — 335, то на Украине всего — 213 (видны последствия нарочитого сокращения тюремного «населения» со сбросом его в законопослушную среду под флагом соблюдения прав человека и нейтрализации зачистую надуманного «кризиса наказания»).

Сделанные замечания лишь подчеркивают фундаментальный объем избранного автором объекта исследования и потому они не препятствуют вы-

воду о том, что диссертация на тему «Европейские пенитенциарные системы (теоретико-прикладное и сравнительно-правовое исследование) является самостоятельно выполненной законченной научно-квалификационной работой, в которой разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как важное научное достижение, имеющее значение для более эффективного исполнения лишения свободы как уголовного наказания. Тем самым диссертация соответствует требованиям Положения о присуждении ученых степеней в действующей редакции, а Павел Владимирович Тепляшин, как ее автор, заслуживает присуждения ему искомой степени доктора юридических наук.

Официальный оппонент
профессор кафедры уголовного права
Российского государственного
педагогического университета
им. А.И. Герцена
доктор юридических наук,
профессор

Сергей Федорович Милюков

РГПУ им. А. И. ГЕРЦЕНА

подпись

18 апреля 2019 г.

Адрес: 191186, Санкт-Петербург,
наб. реки Мойки, д. 48, корп. 20.
Тел. +7 (812)312-99-10
E-mail: dikoepole SF@gmail.com
<https://www.herzen.spb.ru>

удостоверяю 18 04 2019 года
Отдел персонала и социальной работы
управления кадров и социальной работы

Ведущий документовед
отдела персонала
и социальной работы
В.В. Рубищик

Отзыв С.Ф. Милюкова заверяю:

